

—
Как только Фу Мин вошёл в комнату, он увидел двух женщин, которые встали и направились к нему.

Одна из них была нарядно одета и с вычурным макияжем, на ее лице играла фальшивая улыбка. Другая была одета в полуновую одежду, похожую на одежду приличных служанок в резиденции, и на её губах играла улыбка, выражающая мягкость и добросердечие.

«Брат Мин вернулся? Так быстро! Чай у старой госпожи такой хороший, почему брат Мин не задержался и не насладился им не спеша?» — едва встретившись, наложница Цзинь И, Ван Нинсюэ, начала говорить с притворством.

Синьюэ же сначала поклонилась Фу Мину, как слуга своему господину, и тоже сказала: «Полагаю, Гунцзы, будучи мужчиной, всё же отличается от нас, женщин. Дела, связанные с чаепитием и беседами, для вас упрощены».

Наложница Ван искоса взглянула на Синьюэ, но улыбка на её лице оставалась явной. Фу Мин сел, и обе они по очереди опустили на колени, чтобы официально поклониться. Вань Лань подала подарки при первой встрече; обе получили одинаковые золотые шпильки и браслеты.

После завершения церемонии Фу Мин приказал принести стулья и подать чай.

Наложница Ван, держа чашку, не пила и сказала: «Брат Мин, вы довольны этим двором?»

Фу Мин ответил: «Просторный и чистый, неплохо».

Наложница Ван продолжила: «Хорошо, что брату Мину нравится. Изначально господин поручил мне подготовить двор для брата Мина, и я хотела было освободить свой собственный двор, который находится рядом с покоями господина. Но господин сказал, что это слишком много хлопот с переездами, и велел мне выбрать другое место для брата Мина. После долгих поисков я выбрала это место, и теперь, когда брат Мин так сказал, моё сердце наконец-то успокоилось».

Фу Мин улыбнулся, но ничего не ответил.

Синьюэ же сказала: «Вода и почва во дворе Гунцзы, кажется, отличаются от других мест. Мандарины, выращенные к северу от реки Хуайхэ, сухие и несъедобные, но плоды нескольких мандариновых деревьев на заднем дворе, хотя и не такие сладкие, как медовые мандарины с юга реки Хуайхэ, всё же съедобны, а после засолки становятся ещё вкуснее. Раньше госпожа, я имею в виду покойную госпожу, часто приходила сюда собирать мандарины».

Фу Мин, услышав это, сказал: «Раз так, я обязательно прикажу хорошо за ними ухаживать».

Синьюэ слегка улыбнулась: «Спасибо, Гунцзы».

«Старых друзей нельзя забывать, и вы, вспоминая о ней через вещи, проявляете глубокую привязанность и верность. Я всегда восхищался такими людьми. В этом году, когда мандарины созреют, приходите и соберите их лично».

Синьюэ перестала улыбаться, встала и снова поклонилась.

Трое ещё немного побеседовали, и Синьюэ, заметив выражение лица Фу Мина, сама попросила разрешения удалиться. Наложница Ван, увидев это, тоже попросила разрешения уйти. Фу Мин попросил Люй Фэй проводить их за ворота двора.

Когда люди ушли, Вань Лань подошла, чтобы убрать чайные чашки, и, увидев, что чай в чашке наложницы Ван остался почти нетронутым, рассерженно засмеялась: «Что это такое? Недостаточно того, что она так язвительно говорит с Гунцзы, она ещё и так открыто презирает наш чай. Если так, пусть никогда больше не ступает на порог этого двора!»

Люй Фэй как раз вернулась в комнату и, услышав это, не знала, стоит ли её убеждать или соглашаться. Она тоже злилась, но всё же сдержалась и тихо сказала: «Из всех, кого мы видели за эти два дня, только эта не смогла держать себя в руках. Мы не будем с ней спорить, в будущем всё само собой прояснится».

Фу Мин наблюдал, как Люй Фэй потянула Вань Лань в сторону, и они начали шептаться, невольно слегка улыбнувшись. Каким же образом няня выбрала их двоих, чтобы они прислуживали в его комнате?

После небольшого отдыха Фу Мин велел Люй Фэй позвать всех слуг, работавших внутри и снаружи двора, провёл с ними воспитательную беседу, проявив как доброту, так и строгость, а также одарил их деньгами. Что было на уме у слуг, неизвестно, но на их лицах было уважение, и после поклона они все удалились.

Наконец наступила тишина. Фу Мин достал из своего сундука, который он привёз в резиденцию Цзинь, книгу – это был уже досконально изученный им трактат «Дасюэ» (Великое учение):

«...находиться в высшем благе. Зная, где остановиться, затем обретаешь спокойствие...»

Эту фразу «зная, где остановиться», он когда-то использовал в своём эссе, и учитель хвалил его за глубокое понимание. Но теперь он чувствовал, что ему нужно начинать всё сначала.

Пока он был погружён в раздумья, пришла Вань Лань и сказала: «Гунцзы, пора обедать».

В первый день в резиденции, без мужа рядом, без старших, приглашающих на обед, и без сверстников, пришедших составить компанию, Фу Мин всё ещё обедал один за столом. Но еда на столе, хотя и не была изысканной, содержала овощной суп, который был красивого цвета и насыщенного вкуса. В это время года видов свежих овощей было мало, и чтобы приготовить миску овощного супа со всеми пятью цветами и приятным вкусом, требовалось много усилий. Хотя это не было изысканным блюдом, в это время оно было редкостью, и он никогда его не пробовал, поэтому он выпил побольше и попросил передать похвалу поварихе, приготовившей этот суп. Также он отправил поварихе немного мяса и выпечки, которые сам почти не ел.

Люй Фэй, видя, что аппетит Фу Мина не пострадал от неприятностей, почувствовала некоторое облегчение.

После обеда Фу Мин, увидев, что на улице ярко светит солнце, приказал служанкам вынести ротанговую кушетку туда, куда падали лучи. На кушетке было расстелено ватное одеяло, и лежать на ней было тепло и удобно. Он немного подремал там.

Погружаясь в сон, он почувствовал, как лёгкий тёплый ветерок постоянно обдувает его лицо. В тёплом ветре, казалось, была влага. Неужели пойдёт дождь? Он медленно проснулся от лёгкого сна, открыл глаза, и увидел перед собой смеющееся детское лицо.

«Янь-эр? Ты пришёл? Хорошо отдохнул после обеда?» — Фу Мин сел, его голос был немного хриплым от сна, что придавало ему ещё больше нежности.

Чжаоянь прижался к нему и засмеялся: «Я уже давно отдохнул, если ещё поспать, то солнце зайдёт!»

«Вот как?» — спросил Фу Мин у Люй Фэй: «Который сейчас час?»

Люй Фэй слегка улыбнулась: «Гунцзы, вы спали меньше получаса!»

Фу Мин, услышав это, с улыбкой погладил мягкое личико Чжаояня и спросил: «Что хочет послушать Янь-эр?» — Сказав это, он повёл его в комнату.

Чжаоянь, идя, ответил: «Эм-м... Янь-эр любит слушать истории из «Книги гор и морей»*, а ещё героические легенды!»

[*Шань хай цзин (山海经, Shānhǎi Jīng) - то есть «Книга гор и морей» или «Каталог гор и морей» — древнекитайский трактат, описывающий реальную и мифическую географию Китая и соседних земель и обитающих там созданий.]

«Хорошо, тогда дядя Мин расскажет Янь-эру об этом!»

Войдя в комнату, Фу Мин сел в кресло с высокой спинкой, а Чжаоянь сам выбрал маленький табурет и сел на него, положив руки на колени Фу Мина.

Вань Лань принесла чай и закуски, которые, как она заранее узнала, любил Чжаоянь. Чжаоянь, увидев их, действительно обрадовался.

Нескольких нянь и служанок, пришедших с Чжаоянем, Люй Фэй пригласила выпить чаю: «Дамы, не беспокойтесь, здесь есть кому присмотреть, маленький господин будет в порядке. Вам редко удаётся расслабиться, а на улице ещё немного холодно, так почему бы не выпить несколько чашек горячего чая?» Услышав это и увидев кивок Фу Мина, все отправились пить чай.

Фу Мин спросил Чжаояня: «Какие истории из «Книги гор и морей» Янь-эр уже знает?»

Чжаоянь подумал и ответил: «Знаю о Куафу, который гнался за солнцем, он так хотел пить, что выпил всю воду из реки! Янь-эр спросил отца, разве Куафу не лопнул от такого количества воды?»

Фу Мин с улыбкой спросил: «Что ответил твой отец?»

Чжаоянь сказал: «Отец сказал, что Куафу не простой человек, его живот мог вместить реки и моря, а ещё он рассказывал Янь-эру что-то вроде того, что море вмещает сотни рек, но Янь-эр не очень понял».

Фу Мин ещё больше развеселился, возможно, Чжаоянь не то чтобы не понял, а просто не захотел слушать, поэтому и не стал вникать. Этот господин, рассказывая истории, не забывал учить сына жизненным мудростям, это можно считать... усердной заботой?

Фу Мин снова спросил: «Янь-эр раньше, слушая книги, сам их читал?»

Чжаоянь покачал головой: «Отец сказал, что в следующем году пригласит учителя, чтобы тот

научил Янь-эра читать и писать».

Без чрезмерного давления, похоже, этот отец, жаждущий, чтобы сын стал драконом, не слишком торопился.

«Янь-эр не читал книг, так знаешь ли ты, как выглядят те боги и диковинные звери из «Книги гор и морей?»»

«Отец рассказывал Янь-эру, как они выглядят, но Янь-эр не очень хорошо помнит».

Фу Мин немного подумал и снова спросил: «Янь-эр знает Цзинвэя, который заполняет море? Как выглядит Цзинвэй?»

Чжаоянь немного подумал: «Очень пёстрая птица, похожая на ворону».

Улыбка на лице Фу Мина стала ещё шире: «Это тоже твой отец тебе сказал?»

Чжаоянь ответил: «Отец, наверное, сказал немного по-другому, но Янь-эр помнит именно так».

Фу Мин сказал: «Её облик подобен вороне, с пёстрой головой, белым клювом и красными лапами...» Затем он простым языком объяснил Чжаояню и снова спросил: «Янь-эр можешь представить себе эту птицу?»

Чжаоянь кивнул, потом покачал головой: «Кажется, могу, но не очень чётко».

Фу Мин встал и повёл Чжаояня к письменному столу: «Пойдём, давай вместе нарисуем, рисуем, и станет яснее».

Это был первый раз, когда Чжаоянь взял в руки кисть. Фу Мин, видя его растерянность, взял его руку и помог ему правильно держать кисть, а также научил его набирать тушь и делать первые штрихи. Они вдвоём, каждый со своей кистью и бумагой, делили краски и по отдельности рисовали Цзинвэй, каким они его себе представляли.

Чжаоянь размашисто водил кистью, свободно и непринуждённо, быстро испортил один лист бумаги, затем начал заново на другом. Фу Мин время от времени давал ему советы и находил время, чтобы рисовать на своём листе. В конце концов, оба завершили свои работы почти одновременно.

На листе Чжаояня с трудом можно было различить птицу, и она действительно была очень пёстрой; а у Фу Мина, хотя и была простой, но очень выразительной и живой. Чжаоянь, взглянув на неё, широко раскрыл глаза, разинул рот и долгое время пребывал в шоке, прежде чем засмеяться: «Это Цзинвэй? Как будто настоящая! И вправду точь-в-точь, как рассказывал дядя Мин!»

После того как они нарисовали Цзинвэй, они нарисовали ещё и Чжу Иня, бога горы Чжуншань.

Когда они почти закончили рисовать, Вань Лань пошла к служанкам и няням, которые пили чай, и спросила: «Кто-нибудь принёс одежду для маленького господина?»

Няня Чжаояня встала и сказала: «Я принесла один комплект? Нужно переодеться?»

Вань Лань кивнула: «Вы пойдёте со мной и посмотрите».

Няня немного волновалась, почему-то нужно было переодеться? Подойдя, она увидела: на

верхней одежде Чжаояня были разноцветные пятна, на лице тоже были следы краски, а руки были неузнаваемы, он был похож на маленького пёстрого котёнка.

Вань Лань и няня обменялись улыбками, подошли и принялись мыть и переодевать Чжаояня. Пока они мыли руки, пришёл человек от старой госпожи, чтобы передать, что пора ужинать и Чжаояню нужно прийти.

Старая госпожа очень любила Чжаояня и хотела поселить его в своем дворе, но семья Цзинь была родом полководцев, и Цзинь И хотел, чтобы его сын с детства был независимым и сильным, поэтому он выбрал для Чжаояня отдельный двор, расположенный ближе всего к старой госпоже. Старая госпожа не могла жить с Чжаоянем, но не могла ослабить контроль над его питанием, поэтому Чжаоянь по-прежнему ел три раза в день у старой госпожи.

Теперь, когда старая госпожа послала за ним, все не смели медлить, поспешили вперёд, дружно привели Чжаояня в порядок и, окружив его, вышли из двора.

Чжаоянь остановился у двери, обернулся и сказал Фу Мину: «Дядя Мин, я приду завтра!»

Фу Мин кивнул и с улыбкой согласился.

Когда все гости ушли, Люй Фэй, держа в руках те наброски, которые нарисовал Чжаоянь, спросила Фу Мина: «Гунцзы, их оставить или выбросить?»

Фу Мин выбрал два последних, завершённых Чжаоянем, эскиза: «Эти два оставь вместе с моими, остальные выбрось».

Глядя на «пёструю ворону» и «длинную змею с покрасневшим телом» на рисунках, Фу Мин не мог сдержать смеха. Послеобеденное время пролетело так быстро, и Чжаоянь сыграл в этом немалую роль. Умный и сообразительный, живой, но не шумный, неужели тот холодный и равнодушный человек мог воспитать такого ребёнка?

Вечером, узнав, что Чжаоянь весь день с удовольствием играл у Фу Мина, Цзинь И ничего не сказал.

В эту ночь Фу Мин по-прежнему в одиночестве выпивал до лёгкого опьянения, а затем уснул один, укрывшись своим одеялом.

—